

Литературная встреча

«Грамота сердца и души»

памяти Ф. Абрамова

Силинова Светлана Анатольевна
учитель начальных классов

Пояснительная записка

Более 27 лет назад нет с нами Федора Абрамова. Но слово, прозвучавшее десять, двадцать, тридцать лет назад не утратило своей очищающей, предостерегающей проповеднической силы.

Сегодня, когда мы заново открываем свою историю, возникают большие вопросы времени, найти ответы на которые должны помочь обществу ученые, философы, психологи, социологи и, конечно писатели. К таким учителям – просветителям принадлежит и Федор Александрович Абрамов. 2010 год объявлен годом Ф. Абрамова. Данная работа посвящается 95- летию со дня рождения.

По меньшей мере, одно достоинство этой «Литературной встречи» бесспорно: она отражает степень интереса и любви к творчеству и личности Ф. Абрамова и свидетельствует о том, что на родине писателя не только хранят память о нем, но и испытывают потребность в знании творческого наследия своего выдающегося земляка – фронтовика. В рамках подготовки к 75 – летию Победы, данная работа доступно раскрывает учащимся начальной школы и среднего звена некоторые аспекты и этой огромной темы.

В письме к членам литературного клуба Черновицкой средней школы Абрамов писал 22 октября 1981 года: «Что вам пожелать напоследок? Крепкого

здоровья и жизнелюбия и самое главное взрастить в себе человека – гражданина, человека – патриота, способного стоять на страже добра и справедливости.

Да здравствует смелость!

Да здравствует мужество!

Только смелые и мужественные чего – то добиваются!»

Данная «Литературная встреча» способствует воспитанию патриотических основ у школьников.

1. Край родной

Так вот,
загораживая сладко,
будет брезжить,
брезжить навсегда
то ли быль,
то ли небыль,
то ли загадка –
синий лес
да белая вода...

Есть такой край на северо-западе нашей страны — Пинежье. Край песенный, сказочный, былинный. В летописях говорится, что еще в XII веке пришли сюда воины вольнолюбивого Новгорода Великого. Подивились обилию ягод на болотах зыбучих, красной дичи и пушного зверя — в лесах дремучих, косякам семги — в реках жемчужных. И осели тут смельчаки-первопроходцы, распахали землю еловыми сохами, срубили себе избы на речных излучках. «Леса черные, блата и мхи непроходимые» отгородили край от остального человечества, отбросив время на несколько веков назад. Между собой жители поговаривали, что до ближайшего города верст будто пятьсот, а то и более — судить об этом трудно, потому как версты эти злая

ведьма клюкой меряла, да клюку где-то и потеряла. Ну, а Питер, по их представлениям, стоял вообще где-то на краю света, куда и ходу нет...

Чтобы понять поэта, надо посетить страну поэта замети однажды Гете.

Совершим и мы с вами, читатель, это, хотя бы мысленное, путешествие

...Утро на одной из северных русских рек. Густой туман постепенно редет. С ним смешивается дым затопляемых в деревне печей. Правильно говорят о Пинеге: к ней привязываешься сразу, расстаешься с грустью и запоминаешь навсегда.

И снова чуть не на сотню километров — лес, лес, правда, далеко не столь мощный, как прежде, но все же...

Так сквозь зеленый коридор и доберемся мы до деревни Веркола.

« -Веркола раньше по всей Пинеге славилась. Первая красавица — нет деревни краше.

Девки охотно шли замуж в Верколу. И поныне еще говорят:

— «Хоть за батожок да на веркольский бережок». Это запись, сделанная - Абрамовым в последние годы жизни.

И впрямь хороша эта деревня, стоящая на высоком угоре, над цветущим лугом, тянущимся почти до самой реки и как бы отороченным, полосой прибрежного песка и разноцветной гальки.

Здесь-то, в феврале 1920 года, когда Север еще только оправлялся от боев с белогвардейцами и интервентами, родился герой этой книги — Федор Александрович Абрамов.

«...словно незримой пуповиной привязан я к родной Пинеге... я не могу жить, не могу писать, если не вдохну воздуха родного края, не пройду по родной земле, не увижусь с родными и близкими мне людьми» — писал Ф. Абрамов.

2. Детство

«Когда умер отец, — рассказывал он, — нас на руках у матери осталось семеро. Причем старшему было 15 лет, а младшему 2 года. Младшим был я».

Безотцовщина — горькое слово, и мальчику рано пришлось осознать это. Беспечное детство кончилось быстро (да и было, ли, оно?!).

Надо было уже принимать посильное участие в домашних, а позже и в полевых работах («семи лет меня повезли на дальний покос», — прочтем мы - в одном рассказе писателя). Абрамов рос в семье истовых тружеников, и это наложило властный отпечаток на его характер и мировоззрение.

«В тридцать втором году я окончил начальную школу первым учеником, и, казалось бы, кто, как не я, должен первым войти в двери только что открывшейся в - соседней деревне пятилетки? А меня не приняли. Не приняли, потому что я был сыном середнячки, а в пятилетку в первую очередь, за малостью мест, принимали детей бедняков и красных партизан.

"О, сколько слез, сколько мук, сколько отчаяния было тогда у меня, двенадцатилетнего ребёнка! О, как я ненавидел и клял свою мать! Ведь это из-за нее, из-за ее жадности к работе... у нас стало середняцкое хозяйство, а при жизни отца кто мы были? Голь перекатная, самая захудалая семья в деревне». — вспоминал Ф. Абрамов.

Но ведь именно тому же времени обязан был будущий писатель своей дальнейшей судьбой: «Среднюю школу окончил с успехом, поступил в университет...» Эта строчка его биографии, это событие, происшедшее в 1938 году, необычайно много говорит об эпохе, широко открывшей перед выходцем из пинежской глуши ту дорогу к знаниям, которую его земляку с Северной Двины, гениальному Ломоносову, приходилось преодолевать ценой отчаянных, стоявших на грани авантюры усилий (бегство из дому, пеший путь до Москвы с попутным обозом и т. п.).

3. Кем стать

Для романтических устремлений того времени — тридцатых годов—очень характерны и испытанные юным Абрамовым колебания в выборе профессии. Кем стать? Летчиком? Геологом?

«Форма, нравилась» - усмешливо пояснял впоследствии Федор Александрович свои мечты об авиации. Но это, разумеется, шутка. Профессия эта была тогда окружена особым ореолом. Летчики сыграли огромную роль в происходившем тогда освоении пути через Северный Ледовитый океан на Дальний Восток, отличились при спасении экипажа раздавленного льдами парохода «Челюскин», дважды перелетели в Америку через Северный полюс.

И геолог стал в ту пору, как теперь выражаются, престижной профессией. Он как бы подхватывая, перенимал ту давнюю эстафету землепроходца, первооткрывателя новых земельку которая столетиями была привилегией продвигающегося все дальше на север земледельца.

Привлекала юношу и еще одна, куда более скромная профессия — учителя. Благодаря учителям перед самим Абрамовым, открылся новый, огромный мир знаний.

Учителем стал один из его братьев, всю жизнь работала в школе и сестра. Как мы увидим далее, не обошла участь преподавателя и самого Федора Александровича.

Ленинградский университет и весь этот город связанный с жизнью множества ученых и писателей весь пропитанный духом высочайшей культуры, сам — во многом создание гениальных строителей и архитекторов, могли только обострить возникшую у юноши жажду дознания и творчества.

На первых парах Абрамов все еще колебался в выборе дальнейшего жизненного пути, подумывает о профессии искусствоведа, хотя, впрочем, уже тогда проявляет интерес к фольклору и записывает на своем Пинежье сказки.

«Раз попалась старуха,— вспоминал он, — день записываю, два

записываю, три — все сказывает.

— Много ли еще, бабушка? — спрашиваю.

— А кто зна. Не считала. Тут который год внучек заболел, фершалица приказала на улицу не пущать, дак я три недели сказками его удерживала. С утра до темени сказывала. Ну, всю-то себя не опорознила. Много ведь людей-то на Пинеге жило. Сколько их, сказок - то, за века насказывали.

Сейчас этот эпизод кажется знаменательным, словно бы предвещающим неисчерпаемость и богатство жизненного материала, с которым вскоре предстоит столкнуться Абрамову как писателю.

Но покамест он, студент-старшекурсник, все еще как бы переминается на распутье, ошеломленный и в то же время осчастливленный множеством открывающихся перед ним жизненных дорог.

И тут грянуло 22 июня 1941 года...

4. Война – глухая память боли

На Великую Отечественную войну Федор Абрамов ушел добровольцем.

Я знаю, не понаслышке знаю, что такое блокада. Я помню, не забыл, как в самую страшную пору — в декабре — январе — лежал в нетопленном госпитале с простреленными ногами, в одной из аудитории исторического факультета Университета, где всего еще каких-то полгода назад доводилось мне слушать лекции. Лежал в рукавицах, солдатской шапке - ушанке, а сверху был завален еще двумя матрацами» - писал Абрамов.

Примечательна и сделанная много лет спустя короткая запись: «Слепо, промозгло, омертвело — блокадный день на заливе». Вот уж поистине — «глухая память боли».

Первый раз красноармеец Абрамов был ранен еще осенью, в сентябре, в руку. Вскоре он снова оказался на фронте. А вот 27 ноября 1941 года легко могло стать его последним днем.

«Нашему взводу, — вспоминал он, — был дан приказ проделать проходы в

проволочных заграждениях в переднем крае вражеской обороны.

Ну что же, мы поползли с ножницами в руках... Указали, кому ползти первым кому за ним следом и так далее. Я попал во второй десяток и мне повезло. Когда убивало ползущего впереди, можно было укрыться за его телом на какое-то время... От взвода в живых осталось несколько, человек... Мне перебило пулями ноги. Я истекал кровью... И все-таки мне хватило крови доползти до своих».

Говорят, что лежал он, обессиленный, «мертвяк-мертвяком», и только когда солдат похоронной команды, стоя над ним, решил полить, капля из кружки, упала на лицо Абрамова, и у него дрогнули веки.

Федор Абрамов попал в госпиталь...

5. Деревенька моя, послевоенная

Как это было! Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!...

(Давид Самойлов)

Он снова попал в отпуск после нескольких месяцев, проведенных в госпиталях. Ну, что, казалось бы, могло его поразить после фронта, блокадного Ленинграда и эвакуации по знаменитой ладожской Дороге жизни? Но когда видишь, что к вековым трудностям жизни и работы в этом суровом краю прибавились новые тяготы, заботы и лишения, видишь, как невесомые листки похоронок — извещений, о гибели отцов, мужей, братьев - рушат судьбы и семьи, как надрываются люди от непосильного, труда...

«В конце зимы сорок второго года,— вспоминает Федор Абрамов,— меня, тяжело раненного фронтовика, вывезли из блокадного Ленинграда на Большую землю. После долгих скитаний по госпиталям я наконец очутился у

себя на родине — в глухих лесах Архангельской области...

Время было страшное. Только что подсохшие степи юга содрогались от гула и грохота сражений — враг рвался к Волге, а тут, на моей родной Пинеге, шло свое сражение — сражение за хлеб, за жизнь. Снаряды не рвались, пули не свистели, но были «похоронки», были нужда страшная и работа. Тяжелая мужская работа в поле и на лугу. И делали эту работу полуголодные бабы, старики, подростки. Много видел я в то лето людского горя и страданий. Но еще больше — мужества, выносливости и русской душевной щедрости».

Было тогда Федору Абрамову двадцать два года. Лишь в сорок восьмом он закончит филологический факультет Ленинградского университета, с третьего курса которого ушел в народное ополчение. С 1956 по 1960 год Ф. Абрамов заведует в университете кафедрой советской литературы. В 1958 году он опубликует свой первый роман — «Братья и сестры». Вот когда он расскажет о незабываемой страде сорок второго...

6. В читательский дневник

Слушателям и участникам «Литературной встречи» рекомендуется заранее прочитать рассказы Ф. Абрамова такие как: «Есть такое лекарство».

«Избушечка у бабы Мани - бывшая банька, единственная в деревне постройка, которая уцелела от войны, при ней огородик величиной с волейбольную площадку, а деревьев всего одна береза да и та инвалид Отечественной войны — будто культяпки, подняла к небу сухую развилку, обрубленную снарядом...»

«Валенки».

У нас тогда, в войну, не то что хлеба, картошки-то досыта не было. А давай, думаю, у меня хоть валенки сухие в новом году будут.

«Потомок Джима».

«В память незабвенного друга доберман-пинчера дара, защитника и

мученика блокадного Ленинграда».

Здесь приведены цитаты из данных рассказов.

Работа с данными рассказами проводится, как мини - читательская конференция.

7. Заключение

Читая Ф. Абрамова, постоянно ощущаешь воздействие реальной жестоко-неудобной жизни, ее противоречивое, беспокойное состояние. Действительная жизнь участвует в книгах Ф. Абрамова как неотвязная, неотступная сила.

Она словно не отпускает читателя...

Лауреат государственной премии СССР и других премий.

Ф. Абрамов скончался 14 мая 1983 года в Ленинграде. Похоронен у себя на родине – в деревне Веркола.

Список литературы.

1. Ф. Абрамов и Север / сост. Е. Ш. Галимова. – Архангельск, 2006.-160с.
2. Веленьем совести и долга: Очерк творчества Ф. Абрамова. – М.: Современник, 2007 - 222с.
3. Из колена Авакумова: Повести. Рассказы/ Сост. и авт. вступит. статьи Л.В. Крутикова – Абрамова. – М.: Современник, 2007. – 560 с.
4. Братья и сестры. Ф. Абрамов. – С – Петербург, 2006. – 573 с.